

О маленькой фее и молодом чабане

Автор:

Максим Горький

О маленькой фее и молодом чабане

Максим Алексеевич Горький

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 98, 11 мая; номер 100, 14 мая; номер 105, 20 мая; номер 106, 21 мая; номер 107, 24 мая, с подзаголовком «Валашская сказка». В воспоминаниях «В.Г.Короленко» Горький говорит о том, что сказка была написана ещё в Тифлисе, то есть в 1892 году. Одна из песенок чабана, начинающаяся словами «В лесу над рекой жила фея», неоднократно переиздавалась под названиями: «Легенда о Марко», «Валашская сказка», «Валашская легенда», «Фея», «Рыбак и фея». Текст этой песни после первой публикации был значительно исправлен стилистически, изменена концовка стихотворения и прибавлено заключительное четверостишие. В собрания сочинений сказка не включалась. Печатается по тексту «Самарской газеты».

Максим Горький

О маленькой фее и молодом чабане

Валашская сказка

У людей очень много грустных сказок; промолчим на вопрос, почему это так, и послушаем одну из них, новую сказку на старую тему, сказку, которую рассказывают на Дунае, голубой реке...

Над Дунаем есть лес, старый, мощный лес. Он начинается с берега и уходит далеко в глубь полей; ветви его деревьев нависли над синими звучными волнами реки, и корни их, узловатые и сморщенные, вода целует и моет, набегая на берег с тихим, ласковым звуком.

Жили в том лесу эльфы и феи, и старые, мудрые гномы построили в нём, под корнями деревьев, дворцы свои, сидя в которых они думали думы про жизнь и всё другое, про что нужно думать, чтобы быть мудрецом.

Ночами они выходили на тенистый берег реки и, сидя на камнях, поросших мягким тёмно-зелёным мохом, и на старых, поваленных бурей стволах деревьев, смотрели на волны и слушали то, что они шептали, тихо пробегая до моря из непонятной, туманной мглой занавешенной дали.

В том же лесу жила и старая царица фей и четыре её дочери; а из них самая меньшая была самой весёлой, красивой и смелой. Она была очень маленькая, и её головка, вся в серебряных волнистых кудрях, походила на пышно расцветшую лилию.

Целые дни она бегала по лесу, а когда уставала, то садилась на ветви старого дуплистого бука; он стоял близко к тому краю леса, что выходил в степь. Это было её любимое место, и с него, чрез пышный полог душистых зелёных ветвей, волновавшийся, как море, чуть над ним промчится ветер, – она видела бесконечную ширь степи, начинавшейся сейчас же за лесом и уходившей туда – в розовато-голубую даль, где её край касался мягкой синевы неба.

Она сидела высоко на ветках, ветер тихо качал их под ней, и она пела, нежась на солнце, о том, как хорошо быть феей и жить в старом, тенистом лесу.

Птицы, бабочки и все, кто жил вместе с нею, очень любили её, и ей жилось хорошо, очень хорошо.

И вот с нею-то и случилась эта грустная история, о которой рассказывали мне дунайские рыбаки.

Был май, – славный, весёлый май; свежая, ярко-зелёная листва, рождённая им, ликовала; шум её лился широкой и звучной струёй в лазурное, яркое небо, – а в нём тихо плавали белые пуховые облака и таяли в ярких лучах весёлого солнца

весны.

Фея качалась на ветках могучего бука и пела; старые ветви музыкально и тихо скрипели, и зелень их шумно шептала хвалу песне красавицы-феи:

Хорошо на ветках бука

В ясный майский день качаться

И волной душистой звука

Песни леса упиваться!

Эта была её любимая и бесконечно длинная песня.

Хорошо весёлой белкой

Прыгать с той на эту ветку,

Разрывая белой ножкой

Паука лесного сетку!..

И вдруг до её слуха донеслась, как бы в ответ ей, другая звонкая и смелая песня:

Хорошо в степном просторе,

Напоённом мягким зноем,

Наблюдать, как в небе-море

Мчатся тучки лёгким строем!

Фея удивилась и испугалась немного; эта песня прилетела со степи, и тот, кто её пел, умел петь; звонко и стройно звучал его голос и, точно поддразнивая её, вызывал на состязание.

Ветра буйного порывы

Степью бешено летят,

Точно в небе крошки-звёзды

Погасить они хотят!

Это пел не один из жаворонков и никто из соловьев; она знала все их песни! Кто же это пел? Ей захотелось узнать.

Как красива сеть ветвей

Дуба мощного и вяза!

Она замолчала, – и, так как она была женщина, она была тщеславна, а потому тотчас же и подумала, что со дня своего рождения лес не слышал такой красивой и звучной песни, как вот эта, которую она только что спела. Но не успел ещё лес шумом ветвей сказать ей спасибо, как со степи полилось:

Степь родная! От края до края

Ковылём поросла ты седым;

Вольный ветер, с ним нежно играя,

Над тобой мощной птицей летает

И весёлые сны навевает...

И плывут, и клубятся, как дым,

Стаи туч с высоты голубой

Далеко, далеко над тобой!..

Маленькая фея белкой взобралась на самую вершину бука и смотрела в степь. В ней догорал день, и её край, о котором пелось, был окрашен в яркий пурпур, точно там был развешен громадный бархатный занавес и в складках его горело золото. А на пышном фоне этого занавеса рисовалась такая красивая и странная фигура кого-то с длинной палкой в руках и в белой овечьей шкуре на плечах и поясе. Она стояла на одном из тех маленьких холмиков, под которыми живут суслики и кроты, и, простирая руки к лесу, пела. Больше ничего не было видно. А когда песня, звонкая и смелая, была пропета, фее так сильно захотелось посмотреть поближе на того, кто пел её, что она готова была побежать туда, но, вспомнив рассказы матери о том, что по степи часто ходят люди и что с ними

лучше не встречаться, коли не хочешь несчастья, – удержалась и молча, не отрываясь, всё смотрела на певца. А он, кончив свою песню, взмахнул над головой палкой, свистнул и, крикнув к лесу: «Эгой! Прощай!», лёгкими шагами пошёл туда, в степь, откуда выплывали навстречу ему тонкие стаи мутно-голубой мглы, – пошёл и снова стал петь.

Есть ли что-нибудь для глаза

Поля голого мертвей?!

Как серебряные колокольчики, звенел её голос, когда она пела эту песенку-вызов, и в ответ получила:

Сеть из сучьев чёрных сплёл

Этот старый, хмурый лес,

И лазурный свод небес

Глаз мой в нём бы не нашёл.

Это фею рассердило. Разве сквозь ветви деревьев не видно лазурного неба? Тот, кто пел эти песни, никогда не бывал в лесу. А вот что хорошего в бесконечно большом и голом поле, – это трудно сказать и мудрецу! Она громко закричала в степь:

Если по степи проносятся вьюги,

Дико и буйно в ней ветер поёт,

Лес в это время в тоске и испуге

Страшно шумит и мне спать не даёт!

Когда она прислушалась – в степи кто-то весело смеялся.

– Ах, как это невежливо! – вскричала фея и почувствовала в себе желание победить.

Лесу хвалу я пою!

– запела она звонко. Весь лес до последнего кустика ласково зашумел бархатной листвой, и её голос жаворонком взвился в небо.

Слушайте, птицы, меня!..

И неугомонно певшие птички замолчали, чтоб послушать и поучиться славить лес.

Песнь моя! громко звеня,

Лейся ты в небо прекрасное!

Солнце! ты песнь мою

Златом лучей облеку

И преврати в огоньки,

Чистые, кроткие, ясные!..

Пусть они песнью без слов

Ночью по лесу летают

И светляками сияют

В зелени мощных дубов!..

И тут она встала на толстый сук бука, вдохновенно закинув голову назад, и, подняв маленькие белые ручки к небу, пела далее:

Мой старый, добрый, чудный лес!

Ты тайны мир, ты мир чудес!

Купаясь в запахе густом

Тобой взлелеянных цветов,

Весёлых пташек дивный хор

Тебе хвалы поёт!..

Под каждой веткой и листком

Живут букашки, мотыльки...

А меж корнями в мраке нор

Живёт суровый крот;

И робкий кролик, и лиса,

И жёлтый уж, и острый ёж,

И резвый эльф, и мудрый гном

В тебе нашли приют!

О лес!.. Всех птичек голоса,

Пускай хоть век они звенят —

За ночью ночь и день за днём —

Тебя не воспоют,

Мой старый, чудный, мощный лес!

Тихо ветер тучки гонит,

Тени их на степь упали...

И ковыль головки клонит, —

Это тени стебли смяли.

Тихий шорох ковыля

Плавно льётся в небеса,

Точно чьи-то голоса

Шепчут сказки, веселя

Душу юную мою.

Хищный беркут плавно вьётся

Там высоко точкой чёрной,

И оттуда клёкот льётся,

Клёкот мощный и задорный.

Царство силы и свободы —

Степь могучая моя...

Потом слова песни сделались неслышными, в лес летели одни только звуки, и фее было сладко слушать их; а когда и они пропали, потерявшись в безграничной степной равнине, она вместе с ними потеряла и силуэт певца, утонувшего в мягком море мглы. Тогда она задумчиво спустилась на землю и тихо пошла в свой дворец; но то, что раньше интересовало её, – игры эльфов с мотыльками, и сиянье светляков, и работа меж ветвями домовитых пауков, шорох листьев под ногою, тени мягкие на всём, и согнувшийся дугою погулять идущий гном, – всё это не останавливало на себе её ясных глаз; она думала о том, кто так много и так славно пел там, в степи, и ей хотелось узнать, что это было. Вот она пришла к себе. Её мать и сёстры собирались на свадьбу к одному почтенному кроту и стали звать её с собой, но ей не захотелось и этого; тогда мать спросила её:

– Что ты такая грустная, Майя? Ты устала или тебя опять напугали эти старые разбойники – вороны?

– Нет, не это, мама, совсем не это!

И она рассказала всё, что с нею было, а потом спросила, что такое было это.

Сёстры её не удивились её рассказу, они вскричали:

– Просто это чабан! а ты – дурочка! – и убежали куда-то, смеясь, бросая друг в друга цветами и крича: – Мы вас ждём!

– Да, это только чабан, моя дочка! – сказала фея-мать. – Он ещё молод, должно быть, вот и распелся так; когда поживёт, так разучится петь.

Она опытная была, эта царица фей.

– Что значит чабан, мама? – спросила Майя.

– Чабан – это тоже человек. Он пасёт овец и потому называется чабан. Чабаны, впрочем, всё-таки лучше других людей, не так злы и лживы, как те; должно быть, это потому, что они всё время живут с овцами.

– Он не может ничего дурного мне сделать, мама?

– Он-то? Нет, я думаю, что может, потому что ведь он всё-таки человек. Но ведь он к тебе не пойдёт, ты к нему – тоже? Не так ли? Тебе нечего бояться, девочка!

И опять скажу: царица фей была редкая женщина; она была умна и хорошо знала людей, но, видно, позабыла кой о чём на этот раз.

Майя замолчала, и они пошли на свадьбу крота. Там было весело, собрался чуть не весь лес: громадная толпа кузнечиков и стрекоз составила очень звучный оркестр и славно играла; эльфы, мотыльки и другие обитатели леса танцевали и пели, а царица фей с дочерьми сидела на пышном троне из тюльпанов, и майские жуки служили ей, поднося то росу с соком фиалок, то молоко из лесных орехов и разные другие кушанья и сласти; мудрые гномы толковали между собой о жизни и других тайнах; мудрейшие ещё больше убеждались в том, что действительно всё суэта сует и томление духа. Было очень весело!

Жених был приветлив и очень важен, потом – он был неглуп и очень зажиточен. Гости ни на что не могли пожаловаться и с любезными улыбками выслушивали его рассуждения о том, что главное в жизни общества – семья, он это понимает и вот женился, чем в некотором роде оказал обществу услугу, добавив к общей сумме его звеньев-семей ещё одну.

Невеста была, должно быть, очень счастлива, потому что всё время молчала, и, когда её спрашивали о чём-нибудь, она вместо ответа улыбалась такой мягкой и доброй улыбкой.

Майе было скучно. Улучив минутку, она спросила крота, что он думает о чабанах.

– Чабаны?! Скрр!.. брр!.. Я-таки близко знаю их! О да, принцесса, я-таки имел с ними дело! Они бедны всегда, и поэтому все негодяи и разбойники. О да, это уж верно! Это так! Чабаны?! Огэ! Они не имеют никакой собственности, кроме самих себя; а всякий, не имеющий собственности, – вор, ибо чем бы он жил, раз он не вор?! Но, впрочем, он может быть нищим, это ещё хуже, потому что воровать – это всё-таки труд. Один из чабанов раз бросил в меня своей длинной палкой и бежал за мной до той поры, покуда я не убрался в нору; да, это было так!

– Зачем он бросил? – спросила Майя.

– Зачем? Я думаю, просто затем, что я имел неосторожность пройти близко от него, вот и всё, отнюдь не больше. Ведь чабаны – люди, как хотите, и с них спрашивать много нельзя!

Майе стало ещё скучней. Всё, что происходило перед её глазами, было совсем не так интересно, как интересно оно было раньше. Она была очень рада, когда мама объявила, что пора идти домой. И вот они пошли. Светляки бежали перед ними, светя им; лес уже спал, и небо спало, а звёзды смотрели с него на землю и улыбались ей задумчиво и тихо.

Потом пришли домой.

Майя легла спать на свою кроватку из ландышей, а когда заснула, то видела бесконечно широкую, сожжённую солнцем степь, и там на холмах стояло много чабанов с длинными палками в руках, и ветер играл их чёрными кудрями; они пели громкую, страшную песнь о свободе и о степи и бегали за кротами, громко крича: «Эгой! гой!» Они были злы и страшны и очень пугали её, но это не помешало всё-таки ей, как только возшло солнце, побежать на своё любимое место и взобраться на ветви бука.

Он был там и пел:

В лесу над рекой жила фея,

В реке она ночью купалась

И раз, забыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Смотрели рыбаки, дивились...
Любимый товарищ их, Марко,
Взял на руки нежную фею
И стал целовать её жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась
Да в Марковы очи смотрела
И тихо над чем-то смеялась.

День целый они целовались,
А чуть только ночь наступила, —
Пропала красавица-фея,
А с нею и Маркова сила.

Дни Марко все рыскал по лесу,
А ночи сидел над Дунаем
И спрашивал волны: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»

Повесился Марко на горькой,
Трусливо дрожащей осине...
И други его схоронили
Над синим Дунаем в теснине.

Ночами к нему на могилу

Та фея сидеть приходила...

Сидит и над чем-то смеётся...

Ведь вот как веселье любила!

Купается фея в Дунае,

Как раньше, до Марка, купалась...

А Марка уж нету! От Марка

Лишь песня вот эта осталась!

Это была очень весёлая песня, в голосе чабана ясно звучал смех, беззаботный и вольный, как сам чабан.

«Вот странная песня! – думала фея. – У кого он научился петь её? И фея в этой песне странная, и Марко тоже странный. Почему он повесился, и что это значит – повеситься?» Ей казалось, что это не весёлая песня, а очень грустная. Чабан же поёт её так весело... Она смотрела на него через вершины деревьев и хотела, чтоб он подошёл ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/maksim-gorkiy/o-malen-koy-fee-i-molodom-chabane>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)